
К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПТУЛЬНОГО АППАРАТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Т.Ю. Данильченко

Кафедра методики и практики преподавания
иностранных языков и культур
Краснодарский государственный университет культуры и искусств
ул. 40 лет Победы, 33, Краснодар, Россия, 350072

В статье рассматривается эволюция концептуального аппарата в отечественных культурологических исследованиях от использования философских категорий к «категориям культуры», а от них к исследованию «ментальностей», «национальных и этнических картин мира», «культурных концептов» и концептосферы, когнитивных особенностей познания и восприятия мира по пути сближения с культурной антропологией.

Ключевые слова: культурология, категории, концептуальный аппарат.

Культуро-философские рассуждения советского периода оперировали категориальным аппаратом исторического материализма, используя понятия «общественное бытие», «общественное сознание», «материальная культура», «духовная культура» и некоторые другие. Тем не менее основное определение культуры, используемое в учебной литературе того времени, имело ценностный характер: культура рассматривалась как совокупность материальных и духовных ценностей. Это означает, что при игнорировании неокантианства как идеалистической теории принималось неокантианское понимание культуры как мира ценностей.

Рассматривая эволюцию понятийного аппарата отечественной культурологии, Ю.А. Асоян в качестве точки отсчета для своего анализа берет книгу А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» [1. С. 5—25]. Существо того «подвига», который совершил А.Я. Гуревич, заключается в переводе и адаптации идей Ле Гоффа [8; 20] к методологии отечественных обществоведов. Российский исследователь подтвердил это в 1990-е гг.: «Боюсь, что наша отечественная историческая наука не произвела ничего подобного, сравнимого по широте охвата и глубине проникновения в существо предмета. Те же книги по истории западноевропейского Средневековья, которые появились на русском языке в 70-е гг. (1) несомненно, в большей или меньшей степени обязаны своим возникновением этому классическому труду Ле Гоффа» [8. С. 373].

В советской исторической методологии существовало засилье марксистско-ленинской категориальной системы, что способствовало авторитарной лояльности и идеологической устойчивости. Поэтому перенос концептуального подхода из «школы Анналов» на почву советской исторической и гуманитарной науки в целом приоткрывал завесу для некоторого обмирщения той системы диалектических категорий, которые, по существу, превратились в формальную, схоластизированную сетку понятий, выражавших догматы идеологии, но никак не свя-

занных с повседневностью. И, напротив, обращение к структурам повседневности означало оживление застывшей, омертвленной категориальной сетки.

Несмотря на то, что А.Я. Гуревич декларировал познание Средневековья в его специфической логике, используемые категории актуальны и не специфичны для Средневековья, поскольку «сам список категорий — пространство-время, право, богатство, труд, жизнь, смерть — не содержит равным счетом ничего средневекового. Перечень категорий едва ли не универсальный, так что может показаться, что «единый масштаб соизмерения различных эпох» — все-таки найден автором...» [1. С. 8].

Тот факт, что, провозглашая специфическую логику познания средневековой культуры, автор остался в рамках осовремененного подхода означает, что средневековая культура для того времени и того мировоззрения, с точки зрения которого познавалась средневековая цивилизация, была лакунарна. Идеологически и мировоззренчески это было закреплено, например, в учебниках для неспециалистов, где этому отрезку истории посвящалось несколько абзацев. В соответствии с формулировкой Ф. Энгельса в советской социальной науке господствующей была формула о Средневековье как «провале истории», как «темных» веках, времени всеобщей стагнации, консерватизма, упадка. Неспособность адекватно распродметить средневековую культуру обозначалась с помощью терминов, которые свидетельствовали о лакунарном состоянии познания в этой области. Это не означает, что не было медиавистов-профессионалов, но господствующая и официальная мировоззренческая оценка носила такой характер. Нужно было преодолеть «чуждость» средневековой культуры и понять иное сознание, сознание «чужой» цивилизации как «другое». К этому приходят и Ле Гофф [21], и М.М. Бахтин, поняв, что познание «чужого» как «другого» возможно только через диалог: «Нельзя правильно понять культурную и литературную жизнь и борьбу прошлых эпох истории человечества, игнорируя особую народную смеховую культуру, которая всегда существовала и которая никогда не сливалась с официальной культурой господствующих классов. В освещении прошлых эпох мы слишком часто принуждены «верить на слово каждой эпохе», то есть верить ее официальным — в большей или меньшей степени — идеологам, потому что мы не слышим голоса самого народа, не умеем найти и расшифровать его чистого и беспримесного выражения (так, мы до сих пор еще очень односторонне представляем себе средневековье и его культуру» [2. С. 524].

Книга А.Я. Гуревича была не только категориальной компенсацией глобальной культурологической лакуны — «темное Средневековье», — в языковой среде категорий исторического материализма, но и некоторой новацией. Наряду с терминами «картина мира», «система» категорий, «мировоззрение» стало использоваться понятие «ментальность». С одной стороны, этот термин казался некоторым дублированием уже имеющихся категорий, с другой стороны, он отвоевывал себе место в языковом пространстве отечественной культурологии, потому что обладал некоторой продуктивной силой. Ментальность характеризует не только сознательные, но и бессознательные интенции, восполняя недостатки психологи-

ческого подтекста, присущие чрезмерно рафинированной системе категорий и понятий исторического материализма. Кроме того, понятие «ментальность» сопрягалось с понятием «архетип» и позволяло раскрывать некоторые механизмы социально-исторического характера. Постепенно понятие «картина мира» также вклинилось в этот ряд, благодаря тем экстраполяциям, которые пришли в гуманитарные науки из лингвистических дисциплин.

Освоение позитивного потенциала «теории лингвистической относительности», того скорректированного и более удачного ее варианта, который складывался в теоретических дискуссиях вокруг «теории лингвистической относительности», способствовало привязке категориальной проблематики к языковой сфере. В развернутой форме встал вопрос о соотношении языковой картины мира и категориальных структур сознания, языковой картины мира и категориальной картины мира. Тема соотношения языка и категориальных структур сознания превратилась в фундаментальное направление. Она в значительной степени получила разработку в культурно-типологических исследованиях, развивавшихся под влиянием различных видов структуралистской методологии. В школе Ю.М. Лотмана это имело, например, важное значение для раскрытия мифологической картины мира, особенностей мифологических кодов. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский высказали предположение, что тип семиозиса, характерный для мифа, — это номинация. Знак в мифе аналогичен собственному имени. Номинационный характер мифологического семиозиса подтверждается мифологическими сюжетами [10. С. 286].

В какой-то мере соединил понятия языковых и категориальных кодов М.К. Петров. Он использовал понятия «лично-именной код», «профессионально-именной код», «универсально-понятийный код». По его логике категориальное мышление также опиралось на определенный потенциал языка [13; 14]. В этом случае частой ссылкой являлась работа Э. Бенвениста о связи философских категорий Аристотеля с морфологией древнегреческого языка [3. С. 104—114].

С нашей точки зрения, тема концептов влилась в культурологическую проблематику тогда, когда для этого созрела соответствующая почва. Такой почвой послужило обсуждение проблемы универсалий культуры и языковых универсалий [12]. Кроме того, нельзя недооценивать влияние М. Вебера на изменение отечественной философской методологии в 1980—1990 гг. Введение в оборот трудов Вебера было не случайно. Речь шла о ревизии основной концептуальной модели, в которой обсуждалась вся социальная и гуманитарная проблематика, — понятию «общественно-экономическая формация». В дискуссиях о теории общественно-экономических формаций 1980-х гг. стала побеждать «гносеологическая» точка зрения, согласно которой общественно-экономическая формация есть некая теоретическая модель, концепт, а не объективная реальность. Побеждало мнение о том, что нельзя непосредственно налагать «теорию общественно-экономических формаций» на реальный исторический процесс, поэтому концепты марксовской модели стали толковаться в духе теории «идеальных типов» М. Вебера. Вследствие этого внутри самого философского самосознания и гуманитарной методологии встал вопрос о природе концептов, категорий, понятий, методов, идеализаций, моделей.

Необходимо отметить, что в такой области философии, как логика, понятие «концепт» было само собой разумеющимся уже в 1970 гг. Однако оно понималось прежде всего в трактовке, характерной для классического естествознания. Под концептами понимались «идеальные объекты» — «идеальный газ», «материальная точка», «абсолютно черное тело», «прямоугольный треугольник» и др., сконструированные с помощью экстремальных идеализаций и помогающие осознать чувственно не воспринимаемые закономерности. С помощью этих «идеальных объектов» конструировались «идеальные модели» изучаемых объектов и, таким образом, создавался предмет научного исследования и вскрывались фундаментальные закономерности изучаемой реальности.

Однако с 1990 гг. в культурологии понятие «концепт» стало использоваться в несколько другом смысле. В значительной мере это случилось под влиянием того лингвистического поворота, который произошел в гуманитарной науке этого периода. «Лингвистический поворот», начавшийся в гуманитарных науках в 1960—1970 гг., в этот период произошел в культурологии и был вызван изданием ряда работ. Это издание переводов лингвокультурологических работ А. Вежбицкой, касающихся «ключевых слов культуры» как семантических универсалий, так и культурспецифических понятий [5], работы Д.С. Лихачёва, в которых было введено понятие «концептосферы» в 1992 г. [9]. Параллельно Ю.М. Лотманом было введено в оборот понятие «семиосфера» [11].

Для отечественной традиции, где, несмотря на засилье коммунистической идеологии, господствовал универсалистский подход, было значимо то, что использование семантико-концептуального подхода позволяло эффективнее описать концептосферу этносов и национальных культур. Вопрос о классификационных схемах был исследован в структуралистских и постструктуралистских работах К. Леви-Стросса, М. Фуко и др. И если вначале проблема обсуждалась на материале мифа, мышления примитивных культур [7], то затем вопрос встал о классификации моделей мышления в истории общества [15].

Эта тематика в настоящее время получила доминирующее развитие в нескольких сходных, но самостоятельных направлениях, к которым относятся, например, «новая история понятий» (Р. Козелек [20]), которая акцентирует внимание на формировании социально-политических понятий. В этом случае проблематика знания связана с такими темами, как «человек и общество», «общество и природа», «национальные вопросы», «общество и государство», «культуры и религии», «права человека», «этнические меньшинства» и др. Как указывает Ю.А. Асоян [1. С. 20], работы по когнитивной или новой истории представлены у нас пока преимущественно переводами западных исследователей [8—11].

Очень существенным является то, что в рамках этого направления пробивает себе дорогу конструктивистская трактовка концептов. П. Бурдье подчеркивает, что, например, политические, юридические концепты являются социальными практиками, способами конструирования реальности. Согласно этой позиции юристы, политики и др. социальные мыслители и деятели с помощью этих концептов создают новую социальную реальность, осуществляют социально-историческое творчество.

Когнитивный анализ в разных формах продуктивен как методология потому, что служит основой для определенного междисциплинарного синтеза наук в области культурологии. Когнитивный анализ искусства и культуры продуктивен для исследования сознания с исторической, психологической, лингвистической точек зрения. Он позволяет заполнить многие лакуны, которые образовались в рамках прежней методологии, в том числе деятельностного, категориального и др. подходов. В то же время прежняя интеллектуальная традиция в виде деятельностного и категориального подходов в рамках концептуально-когнитивного и антропологического поворотов превратилась в маргинальную. Упоминание категорий исторического материализма, которые использовались для познания культуры, — «общественное сознание», «формы общественного сознания» и др. для современных западно-ориентированных исследователей выглядит как нечто постыдное.

В то же время, современная наука от лингвистического поворота перешла к антропологическому. Важнейшими проблемами сегодня являются вопросы концептуализации человеком самого себя, проблема идентичности в связке «Свой—Чужие», «Я—Другой». Поэтому встают вопросы о том, как когнитивные направления осуществляют и осознают себя в рамках этого нового поворота. Что означает антропологический поворот для когнитивного направления?

Если внимательнее присмотреться к комментариям А.Я. Гуревича к книге Ж. Ле Гоффа, то обнаружится, что в 1990 г. он уже видит антропологический контекст этой книги. Ле Гофф и «Школа Анналов» в целом обратили взор гуманистически к человеку повседневности, совершив тем самым антропологический поворот. «Если придерживаться традиционного, общепринятого понимания культуры как совокупности духовных достижений индивидуального творчества в области литературы, искусства, музыки, религии, философии, то для народной культуры останется скромное и подчиненное место. Но Ле Гофф и другие ученые, разрабатывающие проблемы народной культуры, руководствуются явно другой моделью. Она позаимствована у этнологов и культурантропологов. Здесь «культура» — способ человеческого существования, система мировосприятия, совокупность картин мира, явно или латентно присутствующих в сознании членов общества и определяющих их социальное поведение. «Культура» в этом понимании... предполагает модели поведения людей», — пишет Гуревич в «Послесловии» к переводу книги Ле Гоффа [8. С. 365]. Это означает, что в 1990-е гг. отечественным историком и культурологом осознается антропологический поворот в гуманитарных науках, в частности, в истории и культурологии. Важно также, что сам этот поворот понимается как результат, достижение, связанное с использованием новой методологии — междисциплинарности. И хотя этот термин А.Я. Гуревич не использует, но, по существу, все время говорит об этом: «При... традиционном подходе культура расчленена по разным наукам; ей занимаются история религии и история философии, филология и история искусства и другие обособленные дисциплины. Между тем культурно-антропологический подход направлен на постижение целого, и отдельные аспекты культуры для него не более чем

эпифеномены этого целого» [8. С. 365]. Поэтому движение отечественного культурологического знания от использования философских категорий к «категориям культуры», а от них — к исследованию «ментальностей», «национальных и этнических картин мира», «культурных концептов» и концептосферы», когнитивных особенностей познания и восприятия мира — все это шаги по пути сближения и встречи отечественной культурологии с зарубежной культурной антропологией. Шаг за шагом антропологический поворот утверждает себя с помощью междисциплинарной методологии, в ходе которой методы и идеальные модели отдельных наук экстраполируются на соседние области, взаимообогащаются, способствуют утверждению целостного образа человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) А.Я. Гуревич указывает книгу А.Л. Ястребицкой [19].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Асоян Ю.А. Практика исследования концептов: от «категорий культуры» к «концептосфере» и «семантике понятий» // Культурология: Дайджест. Серия «Теория и история культуры». — 2008. — № 1 (44). — М.: ИНИОН, 2008.
- [2] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990.
- [3] Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
- [4] Буржуазная философия кануна и начала империализма. — М.: Высшая школа, 1977.
- [5] Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.
- [6] Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. — М., 1999. — Т. 2.
- [7] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Послесловие А.Я. Гуревича. — М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.
- [8] Леви-Стросс К. Структура мифов. — М., 1995.
- [9] Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. — М., 1997.
- [10] Лотман Ю.М. Семиотическое пространство // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. — М., 1996.
- [11] Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. — Вып. VI. — Тарту, 1973.
- [12] Новое в лингвистике. — Вып. V. Языковые универсалии. — М.: Прогресс, 1970.
- [13] Петров М.К. Самосознание и научное творчество. — Ростов н/Д., 1992.
- [14] Петров М.К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. — 1990. — № 5.
- [15] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб., 1992.
- [16] Хабермас Ю. Что такое народ? К политическому самопониманию наук о духе в домартовский период революции 1848 года, на примере Франкфуртского собрания германцев 1846 года // Хабермас Ю. Политические работы. — М., 2005.
- [17] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб.: Алетейя, 1998.
- [18] Шмитт К. Диктатура. — СПб., 2005.
- [19] Ястребицкий А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. Эпоха, быт, костюм. — М., 1978.
- [20] Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
- [21] Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. Temps, Travail et culture en Occident: 18 essais. — Paris, 1977.

**ON THE EVOLUTION
OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK
OF CULTUROLOGY IN RUSSIA**

T.Yu. Danilchenko

The Chair of Teaching Methodology
and Practice of Foreign Languages and Cultures
Krasnodar State University of Culture and Arts
40 Let Pobedy str., 33, Krasnodar, Russia, 350072

The article is devoted to the evolution of the conceptual framework of cultural studies in Russia from philosophical categories implementation to «categories of culture» and subsequently to the study of «mentalities», «national and ethnic worldviews», «cultural concepts» and the sphere of concepts, cognitive characteristics of knowledge and world perception toward the affinity with cultural anthropology.

Key words: culturology, categories, conceptual framework.